

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА СУДЕБНЫХ АКТОВ: ПРАВО ИЛИ ПОЛИТИКА?

Идея проведения независимой общественной экспертизы по резонансным делам, высказанная судьей Конституционного Суда в отставке Т.Г. Морщаковой, была воспринята юристами неоднозначно. Многие усмотрели в этой инициативе посягательство на положения Конституции, гарантирующие независимость судей. Председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин между тем инициативу поддержал, отметив, что полномочия судей тесно связаны с их ответственностью, а последняя предполагает их подотчетность обществу. Мы попросили наших экспертов высказаться как относительно необходимости осуществления общественного контроля за резонансными делами, так и относительно формы, в которой такой контроль мог бы осуществляться.

Александр Маковский,

первый заместитель председателя Совета Исследовательского центра частного права, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор:

— Совершенно очевидно, что в демократическом обществе возможна общественная оценка любой судебной деятельности, будь то практика суда по делам определенной категории или решение по конкретному делу, в том числе по делу, которое СМИ или кто-то еще счел резонансным. Было бы смешно возражать против того, чтобы люди, взваливающие на себя такую ношу, именовались экспертами, мудрецами, знатоками и т.п.

Есть только одно условие, иже не преjdeши: государство не должно иметь к такой «экспертизе» никакого отношения (даже привлекая к ней созданные им негосударственные организации). Оценка правосудия, влекущая последствия для тех, в отношении кого оно осуществляется, допустима только в формах правосудия, никакая другая форма не гарантирует соблюдения принципов, на которых зиждется эта функция государства.

Тамара Абова,

заведующая сектором гражданского права, гражданского и арбитражного процесса ИГП РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор:

— Сегодня судебные акты, вступившие в законную силу, выкладываются в Интернете, и каждый может иметь собственное мнение об их справедливости и верности содержащихся в них оценок. Судебные акты уже давно комментируются профессиональными юристами, которые не только объясняют их, но и критикуют. Издаются работы, посвященные именно анализу конкретных судебных актов с самыми разнообразными оценками. Если какая-либо общественная организация решила сделать для себя подобного рода правовой анализ систематическим, это ее дело. Но изменить судебный акт мнение даже суперквалифицированных юристов само по себе не может, как бы оно ни называлось: правовая экспертиза, комментарий, мнение специалиста, и каких бы дел ни касалось: резонансных или нерезонансных. Изменение возможно только в установленном законом порядке и в рамках судебной системы. Но прислушаться к мнению общественности, поразмыслить над обсуждаемыми вопросами на будущее, отнестись критически к самим себе не возбраняется никому, даже судьям. В том, что я сказала, нет ничего нового. Да и сама Тамара Морщакова, член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам граждан, в интервью радиостанции «Эхо Москвы» говорила, что не рассматривает (да и не может, как профессионал, рассматривать) свое предложение о проведении экспертизы в качестве обязательной для суда. Полагаю, что под правовой экспертизой здесь подразумевается мнение, которое должно стать известно общественности, в том числе юридической.

Генри Резник,

президент Адвокатской палаты г. Москвы, член Общественной палаты РФ, член Московской Хельсинкской группы, заслуженный юрист Российской Федерации:

— Разделяя озабоченность Совета по развитию гражданского общества усилением общественного контроля над судебной системой, к проявленной инициативе я отношусь критически. Возникает немало вопросов. Непонятно, каковы будут критерии отбора резонансных дел. Это будут только уголовные дела, или гражданские (арбитражные) тоже? Что это будут за эксперты и по каким вопросам они будут выносить свои суждения: чисто юридическим либо разрешенным в рамках рассмотренного уже дела специальными экспертными исследованиями — криминалистическими, финансово-экономическими, аудиторско-бухгалтерскими? Станут ли эксперты переоценивать доказательств? Немало громких уголовных дел рассматривается присяжными, которые не мотивируют свой вердикт — как это коснется их решений?

И сейчас никому не запрещается высказываться, критиковать вступившие в законную силу судебные решения, в том числе с привлечением специалистов — знатоков права либо каких-то областей науки и техники. Представляется, что надо повышать качество таких общественных экспертиз. Но проводиться они должны независимыми неправительственными организациями, а не инициироваться Советом при Президенте. Совет — особый орган, он входит в структуру президентской власти. О независимости от государства здесь говорить не приходится. И что делать, если эксперты, привлеченные Советом, признают вынесенное решение незаконным и необоснованным, т.е. подлежащим отмене? В двусмысленном положении окажутся и Президент, и вышестоящие суды, уполномоченные на пересмотр вошедших в законную силу судебных решений. Президент не вправе вмешиваться в правосудие, но

де-факто, получается, косвенно уже вмешался. Судебная власть тоже в двусмысленном положении: с одной стороны, есть предусмотренная законом процедура, в которой Президента нет. С другой стороны, к Главе государства неудобно не прислушаться. Одним словом, общественные правовые экспертизы проводить нужно, но не президентскому Совету.

Михаил Треушников,

заведующий кафедрой гражданского процесса МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор:

— Я отношусь к подобным нововведениям отрицательно. Само понятие «резонансное дело» мне не нравится. Все дела для людей, которые в них участвуют, — резонансные. Дискуссия на эту тему в прессе обычно проводится для того, чтобы пощекотать нервы общественности, это нехорошо. Реального вывода из этого обсуждения нет.

Каждая стадия работы над гражданским или уголовным делом имеет свои задачи, цели, и все действия прописаны в процессуальном законодательстве. К примеру, гражданское дело прошло все стадии: суд первой инстанции, апелляционное производство, кассационное и надзор со стороны высшего суда — это целых четыре инстанции. Еще возможен пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам, который может проходить не один раз, поскольку сейчас таковыми можно назвать и решение суда в Страсбурге, и изменение судебной практики, и многое другое. После того как дело прошло столько инстанций, что могут привести в него не судьи? Материалы дела могут изучать и глубоко знать только определенные субъекты процессуальных отношений. Как посторонние люди могут судить о качестве разрешения дела?

Зачем создавать новую надстройку над нашими судами? Надо уважать свою судебную систему. Вступило решение в законную силу — надо ему подчиниться. Сила закона в устойчивости правовой системы. Подобное нововведение людям и правовой системе государства причинит большой вред.

Владимир Яркв,

заведующий кафедрой гражданского процесса УрГЮА, доктор юридических наук, профессор:

— Возражения против экспертной оценки судебных актов несостоятельны, поскольку иной подход позволит и дальше не контролировать судебную власть и лишит общество возможности оценивать результаты ее деятельности. Экспертная оценка ничуть не ставит под сомнение принцип независимости судей и подчинения их только закону, поскольку не заключается во вмешательстве в практическое осуществление правосудия, а сводится к оценке результатов судебной деятельности либо к выработке рекомендаций, взгляда экспертного сообщества на оптимальные пути развития судебной практики. Собственно, этим целям всегда служило создание при судах различных уровней научно-консультативных советов, вырабатывающих рекомендации для судов; привлечение экспертов в порядке ст. 14 АПК РФ и ст. 1191 ГК РФ; получившая распространение практика представления экспертных заключений по российскому праву; и, конечно, главное — огромное количество книжных, журнальных и газетных публикаций, в которых оцениваются различные аспекты результатов судебной деятельности.

Другой вопрос — каким образом может осуществляться предполагаемая экспертная оценка на основании только текста судебного акта (решения, постановления, приговора и т.д.). Судебный акт выносится исходя из исследованных в суде доказательств, которых может быть довольно много, поэтому оценка результатов судебной деятельности при рассмотрении только судебного акта будет грешить неполнотой и односторонностью. Поэтому, хотя я не отрицаю возможности экспертизы резонансных дел и возможности увидеть порой очевидные ляпы, такая оценка всегда будет неполной, так как не будет основана на всей совокупности доказательств, исследованных в судебном разбирательстве.

В качестве одной из мер развития независимой экспертной оценки результатов правосудия я бы предложил узаконить представление в суды различных правовых заключений по российскому праву. Такая практика имеет место и в настоящее время, однако легальными являются только экспертные заключения по иностранному праву. Хотя, с одной стороны, действует презумпция знания судьей своего права, с другой стороны, правовая система настолько усложнилась, а квалификация судей может быть самой разной, что подобные заключения по российскому праву могли бы принести большую пользу достижению целей правосудия, защите интересов участников процесса с учетом необходимости для суда мотивировать отклонение той или иной экспертной оценки.

В конечном счете необходимо работать над созданием реальных гарантий независимости судей, повышения их квалификации, ведь судебная власть в самом широком понимании ее функций оказывает обществу услуги по цивилизованному разрешению споров и конфликтов, и общество вправе через самые различные механизмы оценивать результаты этой работы.

Александр Боннер,

член Квалификационной комиссии
Адвокатской палаты г. Москвы,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации, доктор
юридических наук, профессор:

— Введение общественного контроля, быть может, не только резонансных уголовных, но и гражданских, а также арбитражных судебных дел, назрело. Причем это в интересах и общества, и в первую очередь — самих судей. К сожалению, если посмотреть правде в глаза, современный судья часто не является независимым и прежде всего от своего руководства. Эта зависимость может выражаться в самых разных формах. К примеру, в юридическом сообществе ходят слухи о случаях, когда написание судебных решений превращается в творческий акт исполнения просьбы руководства суда с заранее предreshенным исходом, что порой даже сопровождается передачей проекта решения. Оставляя резолютивную часть, судья лишь творчески дорабатывает предлагаемый ему проект либо пишет решение заново, чтобы сохранить свой собственный стиль изложения.

Заранее назвать критерии резонансных дел достаточно трудно. Но чаще всего «резонантность» бывает связана с характером дела, участвующими в нем личностями, характером состоявшегося судебного постановления, которое согласно господствующим в обществе представлениям явно нельзя назвать справедливым.

Таким образом, предметом дискуссии должно стать не введение или невведение общественного контроля, а формы этого контроля и его последствия.

Что касается последнего, то, не посягая на понятия законной силы приговора, прерогативы вышестоящих судебных органов и т.д., проблема в отдельных случаях могла бы решаться путем использования Президентом РФ права помилования, инициированного не по просьбе осужденного, а общественными экспертными структурами.

Борис Полонский,

заслуженный юрист
Российской Федерации:

— Необычность предложения об экспертно-правовом анализе приговора или решения по конкретному делу, вызвавшему широкий общественный и профессиональный интерес, связана с тем, что такой судебный акт после вступления в силу приобретает характер закона и подлежит безусловному исполнению. И тем не менее предполагается, что материалы будут подвергнуты глубокому изучению с участием высокопрофессиональных специалистов и последующему широкому обсуждению. Результаты могут быть использованы многопланово — в развитии законодательства, правоприменении, научной, педагогической и иной деятельности. Вместе с тем нетрудно представить себя на месте авторов такого документа, чтобы понять, какой экзамен им предстоит выдержать.

Надо без предубеждения подойти к тому, что было высказано по данной проблеме. И общество, и власть, и судебское сообщество, и граждане России — все кровно заинтересованы в повышении авторитета суда, в укреплении доверия к суду. Поэтому поиск путей и средств достижения этих высоких целей при соблюдении конституционных принципов правосудия должен получить одобрение и поддержку.

Александр Сергеев,

заведующий кафедрой
гражданского права юридического
факультета СПбГУ экономики и
финансов, доктор юридических
наук, профессор, советник
юридической фирмы *DLA Piper*:

— Предложение о введении общественного контроля судебных актов будет иметь такой же примерно эффект, какой имеет создание Общественной палаты при Президенте РФ: люди в ней собраны уважаемые, но почему они заседают в этой Палате, а не в парламенте, — непонятно. Что касается общественного обсуждения резонансных судебных актов, то оно и так активно ведется благодаря Интернету и некоторым СМИ, которые отваживаются говорить правду. Альтернатива общественному контролю сегодня одна — это обращение в Европейский суд по правам человека. Грустно от того, что граждане России вынуждены добиваться справедливого суда не в своей стране, а за границей.

Леонид Головки,

профессор кафедры уголовного
процесса юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук:

— Постановка вопроса об общественном контроле резонансных судебных дел, о независимой правовой экспертизе общественно значимых судебных решений есть несомненное свидетельство определенного кризиса доверия к судебной власти со стороны общества.

Ясно, что никто не вправе запретить обществу проводить любые независимые правовые экспертизы, изучать все доступные материалы судебных дел, анализировать знаковые и какие-либо иные судебные решения. Строго говоря, это своего рода естественное право общества, и на его осуществление не требуется даже никакого специального благословения высшей политической власти. Но ясно также, что подобный контроль со стороны общества может существовать исключительно вне установленного процессуального контекста — его при всем желании нельзя вписать в существующую процессуальную систему с ее инстанциями, звеньями, способами обжалования и т.д., иначе мы сломаем не только судебную, но и всю правовую систему страны, подменив ее каким-то непонятым суррогатом.

Что касается процессуальной теории, любые возможные способы общественного контроля над судебной деятельностью давно известны, институционализированы и даже банальны. Это принцип гласности судебного разбирательства, предполагающий открытие дверей судебных заседаний для широкой публики, и, разумеется, суд присяжных. В плоскости именно этих институтов лежит процессуальный ответ на вопрос о методах, формах и критериях общественного контроля суда. Согласитесь, странно, с одной стороны, выказывать обеспокоенность по поводу общественного контроля, независимых правовых экспертиз, а с другой стороны, сокращать компетенцию суда присяжных или создавать для широкой публики, т.е. того же общества, непроходимые барьеры охраны при входе, например, в Верховный Суд РФ.

Требование об общественном контроле — это сигнал для власти. Но этот сигнал следует понимать не как повод к конструированию непонятных надстроек наподобие общественной палаты-*bis*, а как очередной и очень громкий призыв уже начинающего задыхаться общества к созданию в России подлинно независимого суда. Никакими суррогатами эту проблему не решить.

Александр Верещагин,

доктор права Эссекского
университета (Великобритания):

— Прежде всего очевидно, что подобное предложение было сделано Советом и поддержано Президентом, как говорится, не от хорошей жизни. Это свидетельство глубокого кризиса судопроизводства, особенно в судах общей юрисдикции. Вопреки любым декларациям суды тяготеют к тому, чтобы стать замкнутой корпорацией, независимой от гражданского общества, но при этом подверженной влияниям со стороны всяческих властных группировок. Поскольку резонансные дела зачастую сложны и в них большое значение имеют юридические тонкости, в которых публике трудно разобраться, неправосудный приговор можно легко представить как юридически обоснованный. Обсуждаемая инициатива, как я понимаю, призвана пресечь подобное манипулирование, давая обществу возможность сравнить официальное решение или приговор с выводами авторитетной и реально независимой экспертной

группы. Ее выводы тем самым становятся неким особым мнением, только исходящим не от суда, а от другого сегмента юридического сообщества. В связи с этим хотел бы напомнить о том, о чем не раз писал и на чем продолжаю настаивать: необходимо делать полностью доступными для публики особые мнения самих судей, без чего их написание во многом лишается смысла. Это испытанный способ контроля и повышения качества судебных решений, и это было бы даже более естественной мерой, нежели дополнительная экспертиза извне. В любом случае одно не исключает другое, а дьявол, как обычно, в деталях — как будут отбираться дела для экспертизы, как формулироваться выводы и какие последствия они будут иметь.

Вадим Зарипов,

руководитель аналитической
службы компании *Peperlaev Group*:

— К сожалению, судьи высших судебных органов тоже ошибаются. Кроме того, судебную ветвь власти сегодня по-прежнему нельзя признать независимой от власти исполнительной. Независимая правовая экспертиза позволит выявить принципиальные ошибки в «системообразующих» решениях судов, а также отклонения от правосудия, вызванные влиянием различных факторов, в том числе давлением чиновников.

Общественный контроль возможен в различных формах. Очевидно, что это оценка представителей общества, а не государственных органов и тесно связанных с ними лиц. Прямых правовых последствий он не влечет, поэтому требования к нему устанавливать нецелесообразно, можно лишь говорить об эффективности процесса.

Экспертизу могут организовывать общественные организации, инициативные группы. Самое главное при этом — уровень профессионализма экспертов и прозрачность: информация об экспертах, вопросы экспертам, результаты экспертизы и их мотивировка, особые мнения — все это необходимо размещать на специальном сайте в Интернете. Поэтому наилучшим образом экспертизу сможет проводить тот, кто подберет признанных экспертов, правильно поставит им вопросы, защитит их от влияния извне, сделает доступной и понятной большинству информацию о результатах экспертизы.

Экспертизе необходимо подвергать дела, которые носят показательный характер — потому они и имеют резонанс в обществе.

Помимо независимой правовой экспертизы возможно проведение опросов населения и круглых столов.

Очевидная необходимость правовой экспертизы резонансных дел — это помощь судам общей юрисдикции, которые остались в прошлом веке и не справляются со своими функциями. Видимо, этим вызвана обеспокоенность Совета судей, выраженная в письме Председателю КС РФ. Такой контроль — вынужденная мера по лечению судебной системы извне. Особенно это необходимо уголовному судопроизводству.

Александр Хренов,

партнер юридической компании
«Юков, Хренов и Партнеры»:

— Я безоговорочно поддерживаю такое проявление демократической общественной жизни, каковым является общественный контроль над государственными институтами. Однако меня откровенно смущают те формы общественного контроля, жизнеспособность которых так или иначе базируется исключительно на позитивном отношении к ним высших должностных лиц страны (а если бы была высказана негативная оценка?). Полагаю, что общественный контроль по своей природе не может быть институализирован и структурирован по некой заданной модели (разве может возникнуть идея каким-то образом формализовать и структурировать такой вид общественного контроля, как журналистское расследование?). Кроме того — и это совсем немаловажно применительно к конкретному вопросу — общественный контроль в сфере судопроизводства ни в коей мере не может противоречить конституционным принципам независимости судей и отправления правосудия только судом. Представим себе ситуацию, когда группа ученых, юристов-практиков проводит «альтернативную ревизию» судебных постановлений по конкретному делу, ощущая при этом моральную поддержку начинания со стороны Президента страны, и приходит к выводам, отличным от выводов судов, вынесших эти постановления. Кто возьмется прогнозировать дальнейшее развитие ситуации? Будут ли эти выводы довлеть над судьями вышестоящих инстанций, которым еще только предстоит пересматривать дело? Будет ли сама плановая процедура общественной экспертизы, ее освещение в СМИ и резонанс от сделанных выводов способствовать укреплению авторитета судебной власти, не вызовет ли это раскол в российском юридическом обществе? Вряд ли на эти вопросы можно дать однозначные быстрые ответы. Тем не менее ответы появятся уже сравнительно скоро, и они будут лакмусовой бумажкой в отношении того, насколько зрелым является наше общество, насколько устойчивы государственные институты и каков текущий градус их взаимодействия.

Григорий Чернышов,

партнер, руководитель
департамента судебной практики
Адвокатского бюро «Егоров,
Пугинский, Афанасьев
и партнеры»:

— Об общественном контроле можно говорить как об одной из форм проявления гражданского общества. Более того, сильное гражданское общество, с моей точки зрения, самое эффективное средство против странных судебных решений, которых у нас пока еще, к сожалению, немало. И если бы какой-нибудь институт гражданского общества взял на себя инициативу собирать, обобщать и доводить до сведения общественности информацию о странных судебных решениях и их авторах, от этого наша судебная система только выиграла бы.

Другое дело, что институт гражданского общества не может быть введен по чьему-либо распоряжению или желанию. Власть должна уважать и принимать во внимание инициативы, исходящие от гражданского общества.

Общественный контроль судебных решений, введенный по чьей-либо инициативе или по решению какого-либо лица, едва ли сможет выполнять эти функции. Есть основания полагать, что «введенный» общественный контроль лишь ограничит самостоятельность судебной власти и будет служить средством давления на суд. А этого очень не хотелось бы.